

ШКОЛА · МОСКВА

school.msk.ru

№16/2019

МОСКВА НОВОГОДНЯЯ: ПУТЕШЕСТВИЕ В РОЖДЕСТВО-2020

НА ШАГ ВПЕРЕДИ.
ПУТЬ В НАУКУ:
УЧЕННЫЕ — ШКОЛЬНИКАМ

#НОВЫЙУРОВЕНЬ:
МОЙ ШКОЛЬНЫЙ
РЕСТОРАН

ИНЖЕНЕРНЫЙ
БЕСПРЕДЕЛ:
НОЧЬ ТЕХНИКИ В МЭИ

А ДЕРЕВО — ЭТО ТОЖЕ ТАКОЙ МЕДВЕЖОНОК.

ФИЛОСОФСКИЕ СКАЗКИ СЕРГЕЯ КОЗЛОВА

текст: С. БРУТ иллюстрации: Л. ШУЛЬГИНА

Бывают названия, которые можно воспринимать отдельно от книги, фильма, мультфильма. Они как самостоятельные произведения. Хотя сколько там слов — 2-3-4 — меньше, чем в миниатюрном, пронзительном рассказе про «детские ботиночки», приписанном благодарными потомками Хемингуэю. Названия... А какие, собственно? Мне вот вспомнились — «Пена дней» (когда-то любимый роман Виана), «Счастливая Москва» (с этим именем сжился один из самых драматичных текстов Платонова), «Алиса в городах» — это уже не книга, ранний фильм Вима Вендерса.

Кажется, дело в интонации. Она — место встречи, где сливаются в единое целое — на слова уже не разберешь, не хватит слов — голос автора, его мысли и способ переживания реальности. Интонация одушевляет текст, превращает предложения, приемы, смыслы в дышащее и потому неуловимое произведение.

Да, названия... В каждом из них, в их «ноте», как будто поместилась вся авторская история. И теперь, просто повторяя «пена дней», я как будто заново перечитываю роман об ускользающей юности Колена.

Детский писатель Сергей Козлов — пришло время его представить — тоже нашел свое название. Оно похоже на стихотворение из одной строчки, и даже не поймешь, с рифмой или без. Книга его сказок называется «Правда, мы будем всегда?»

В этих словах — интонация Козлова. Стоп. Про интонацию пока больше ни слова. Нельзя так просто, с наскока говорить о таких сложных вещах...

Его герои и стихи гораздо известнее самого автора. «Ежика в тумане» знают все. А кто создал? Норштейн? Он — режиссер мультфильма. Но образ и мироощущение, из которого этот мультфильм вырос, родились раньше, в сказке Сергея Козлова. Помните песню «Я на солнышке лежу, я на солнышко гляжу»? Или другую, про облака, которые еще «белогривые лошадки»? Первая — из «Львенка и Черепахи» Козлова. А «Облака» появились в его сказке «Трям! Здравствуйте!» — и только потом в мультике.

Так что Козлова вы знаете, даже если минуту назад об этом еще не знали. Или не так...

«Знаете» всё-таки слово серьезное, веское. Скажем, вы с ним встречались. Но одной, пусть нескольких встреч с человеком всегда слишком мало, чтобы собрать «отрывки общения» в осмысленный образ. То же самое и с образом реальности, которую автор по фрагменту выстраивает в своих книгах. »

«Ежика» смотрели все, все слышали песни про солнышко и «лошадок». Но это как будто съездить на выходные в Рим — в Собор Петра успели, побывали в Колизее и у фонтана Треви, а город как-то потерялся. Но после туристических пробежек приходит время свернуть к неприметным улочкам. Или тропинкам. У Козлова — тропы.

БЕЗ «ВНЕШНИХ» СОБЫТИЙ

Семья директора завода Григория Козлова взяла мальчика из детского дома. Возможно, он был одним из испанских детей, которых Советский Союз принимал в конце 1930-х, спасая от разразившейся гражданской войны. Ребенок получил имя Сергей, отцовские отчество и фамилию, и воспитывался как родной. Факт усыновления приемные родители скрыли. Первую сказку Козлова опубликовали в Киеве. Он уже успел закончить школу и сбежать из дома — отец умер,

а отношения с матерью были напряженными. С текстом получилось смешно. Сказку для журнала перевели на украинский. Там ее нашли сотрудники московского «Огонька» — опять перевели на русский — и переопубликовали.

Прежде чем полностью сосредоточиться на литературе — сказках, стихах, пьесах и сценариях для мультфильмов, — Сергей менял вполне обычные для молодого литератора профессии. Он побывал кочегаром, рабочим на заводе, типографом, учителем пения в школе, геологом и экскурсоводом «у Пушкина», в Михайловском. Последнее, правда, уже по окончании московского Литературного института.

Вот, собственно, и все приключения — дальше жил, писал. Еще 30 с чем-то лет. Впрочем, это только внешние события... Козлов в одном из интервью рассказывал про работу кочегаром: «Это было в 1958 году. Это было просто несколько моих поездок. Я ездил и бросал уголь, и всё было нормально. А потом я ушел с паровоза...» Так сухо, скучая, писатель «огибал» и другие «внешние этапы» своей жизни. А еще сказал как будто совсем невпопад: «Я даже не могу отделить одно от другого. Всё шло одной волной. Я просто сочинял стихи и сказки, миниатюры».

То же самое и в книге «Правда, мы будем всегда?» Попробуешь пересказать сюжеты — провалишься. Самое главное ускользает. Вот сказка «Добрый слон» — февраль, мороз, дрова на исходе. Ежик совсем замерз в своем домике и мечтает, как к нему

в лес из зоопарка прибежит слон и надышит тепла в трубу. А потом тем самым «добрым слоном» приходит оттепель. И всё... Или, например, «Такое дерево» — Медвежонок захотел стать деревом и начал на полянке махать руками и петь песни. А потом объяснил белке, что он дерево, просто «такое», необычное. И чтобы на Медвежонке, как на всяком порядочном дереве, пели птицы, она пригласила зяблика — «А не согласитесь ли вы немного пожить на нем?» Конец.

В этих сказках нет или почти нет «внешних событий». Никакого захватывающего сюжета. Ничего неординарного, что нарушило бы жизнь героев и «вызвало» их к приключениям.

ЯЗЫК ЛЕСА

Но если не это — что тогда? Просто лес — и в нем живут Ежик, Медвежонок, Заяц, Ослик и другие звери. Тут можно было бы подумать, что, конечно, не звери, а, как это водится в сказках, люди в облике зверей. Нет, у Козлова по-другому. Взаимоотношения его ге-

роев с лесом и друг с другом вовсе не людские... Впрочем, я-то как раз написал очень по-людски — «Лес, и в нем живут...» Это совсем не Козлов. У него лес тоже живет. В сказках из книги «Правда, мы будем всегда?» как будто вообще нет неодушевленных персонажей. А если и есть — герои всё равно воспринимают

их как живых. Возьмем хотя бы сказку, где Медвежонок «вживается» в дерево, повторяя руками-ветками его «древесные» движения. Или — где Заяц и Медвежонок, глядя в воду, обнаруживают там второго зайца и медвежонок и до вечера общаются с ними, тем самым одушевляя ручей. Стоит ли говорить о Ежике, в разных историях беседующем со Снежинкой, Травинкой, Огнем в печи и морем, в котором он тоже узнает себя? Лес одушевлен. Но это

не сказочные говорящие «вещи», легко объясняющиеся со зверями. Здесь есть свои «трудности перевода». Не зря же Медвежонок помнит, что он не обычное дерево — другое. Дерево, стало быть, тоже «другой Медвежонок». «Совпасть» полностью они не смогут даже при большом желании. А Снежинка через окно не узнает Ежика. Он во время их разговора так сильно прижался к стеклу, что его нос стал пятачком. Вот и кажется ей — не Ежик, а поросенок в колючей шубке.

КТО ЖЕ ПРОТРЁТ ЗВЁЗДЫ?

Вернемся. Если не «внешние» события, что же? Взаимодействие героев друг с другом и с лесом. Козлов тонко показывает дружбу. Для него она — понимание с полуслова и единство устремлений разных персонажей. Проще — созвучие. Вот из сказки о дружбе:

«— Послушай, Медвежонок, пока я к тебе шел, расцвели все ромашки!
— А пока я тебя ждал, — сказал Медвежонок, — отцвели одуванчики...
— А когда я только проснулся и подумал, что пойду к тебе, — сказал Заяц, — поспела земляника!
— А я ждал тебя еще раньше, — сказал Медвежонок. — Когда я проснулся, она

только зацветала».

Соединяются два движения: Заяц приходит к Медвежонку — и одновременно они оба приходят к единому душевному строю рифмующегося разговора. И так же в «Дружбе» герои, дожидаясь встречи, придумывают друг другу неповторимые имена — «ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА» и «МЕДВЕЖОНКОТОРЫЙДРУЖИТСЗАЙЦЕМ».

Отношения с лесом вырастают из того же чувства внутреннего единения. А оно, в свою очередь, — из способности увидеть в дереве «другого Медвежонка». Но дело не только в разговоре с травинками и снежинками. Еще и в необходимости постоянно поддерживать чистоту этого чувства. Поэтому в одной из сказок Ежик и Медвежонок, осторожно, чтобы, не дай Бог, не уронить с неба, свежесобранном веником сбивают со звезд пыль и протирают их тряпочкой. «А как же иначе?» — бормочет сам себе Ежик — «Если Медвежонок не протрёт звезды, если я не протру звезды, то кто же протрет звезды?...» »

Или как с весной, с «чистыми» перелетными птицами, когда все обитатели леса начинают намываться, чтобы не ударить в грязь лицом — сохранить свежесть перед «свежими» перелетными. Лис помогает лосю, на реке начищает ему рога. Ежик говорит — не надо, чтобы блестели, надо, чтобы были туманными. Ведь туман — ощущение неизвестного в мире. А чистота восприятия и чувство живого возможны только тогда, когда остается тайна. Вот и Ежик ходит в тумане. Прояснится — трава, деревья, горка, речка, лошадь стоит уверенно на своих четырех. И все — привычное, будничное, мимо которого можно спокойно бежать по своим делам. А что такое «мимо», если не потеря единения?

... И СНОВА ВЕСНА

Опять вернемся. Переберем все сказанное — Ежик, Медвежонок, Заяц и Ослик, живой лес. Часто говорят, что писатели строят свои собственные миры. Совсем «избили» ни в чем не повинную, а порой и верную фразу. Это относится и к Сергею Козлову, но с одним важным уточнением. Козлов строит мир определенного взаимоотношения с миром. Оно растет из эмпатии, умения видеть в другом «другого себя» — такого же настоящего, переживающего, но в то же время отличающегося и только отчасти известного. Оно возникает там, где берегут ощущение реальности как одушевленного существа, протирают тряпочкой ее-свои звезды и вылавливают из речки Солнце. А как бы оно еще выбралось, если бы Ежик с Медвежонком не помогли? Это отношение — чуткость. На ней, на тонком и внимательном взаимодействии героев с миром держится органичное пространство сказки. И мир отвечает. Добрым слонем к совсем уже замерзшему Ежику приходит оттепель.

В сказках Козлова важна цикличность. В начале — последний февральский мороз. Дальше весна, Ежик, играющий под деревом на скрипке, чтобы Рыжее солнышко, Белка, выглянуло из дупла. Лето — жаркие дни, а в августе, когда

звёзды падают, это неуклюжий Медвежонок их роняет. Потом «осенние сказки», зима и снова весна. У Козлова,

как и в мире, всё меняется, но ничего не исчезает совсем, с концами. Значит, и текст о его книге должен вернуться к началу. Так какая же она, интонация? В ней — уже названная чуткость, такое органическое слияние с лесом и героями, в котором совсем исчезает взрослый автор из нашего, челове-

ческого мира. Эта чуткость, может быть, особенно видна в «странных», но, если вчитаться, глубоких размышлениях Ежика и Медвежонка, в тонко прописанных деталях лесного пейзажа.

В ней есть и грусть. Возможно, от того, что органическое чувство реальности так легко ускользает. А может, грусть и чуткость неотделимы? «Правда мы будем всегда?» Правда, но уже не совсем мы. Как же не грустить иногда, если всё так хрупко устроено?!

И еще, в интонации — надежда. Ощущение, в котором грусть взрослого задумчивого человека и чуткость детского писателя встречаются.

Впрочем, мы же всё это уже сказали, просто другими словами. Ведь размышляя о сказках Козлова, невозможно не говорить об интонации, передающей гораздо больше смыслов, чем сюжет, сцены и метафоры. Интонация, на самом деле, не место встречи. Она — воздух текста. «А Ежик нюхал воздух и говорил: — Всё равно пахнет чистыми птицами!»

